

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

2016, Том 4, номер 1 (январь - февраль) <http://mir-nauki.com/vol4-1.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/13PSMN116.pdf>

Статья опубликована 09.02.2016.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Выгинная Е.А. О возможности изучения хронотопа наркозависимых в нарративном подходе // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/13PSMN116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 159.95

Выгинная Елизавета Андреевна

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Филиал в г. Волгоград, Россия, Волгоград
Преподаватель кафедры «Психологии»
Аспирант
E-mail: e.vyinnaya@gmail.com

О возможности изучения хронотопа наркозависимых в нарративном подходе

Аннотация. В статье обсуждаются возможности нарративного подхода в изучении хронотопа наркозависимых. Уточняются контуры понятия хронотопа применительно к субъективной реальности человека и применительно к жизненной ситуации этой группы респондентов. Обосновывается целесообразность использования концепта субъективного психологического хронотопа в психологическом анализе субъективного мира человека и Я-нарратива в качестве средства его экспликации. Обсуждаются результаты исследования автобиографий и некоторые общие черты субъективной реальности наркозависимых, проявившиеся в конструировании ими личных теорий, а также различия в женских и мужских Я-нарративах по их структуре, темпоральным и содержательным составляющим. Специально рассматривается тема женских автобиографий, связанная с эмоционально амбивалентным переживанием беременности и рождения ребенка.

Ключевые слова: Я-нарратив; наркозависимые; переживание; жизненный путь; хронотоп; временная перспектива

*Пространство и время – это
самые суровые определители
человеческого бытия, еще более
суровые, чем социум.*

*Преодоление пространства и
времени и овладение ими — это
экзистенциальная задача, которую
человечество решает в своей
истории, а человек – в своей жизни*

В.П. Зинченко

Вынесенная в эпиграф цитата – фрагмент словарной статьи В.П. Зинченко «Хронотоп», включенной в Большой психологический словарь «хронотоп» [3, с. 722].

Отношения человека со временем и пространством своей жизни важны для его субъектного и личностного становления. Овладевая временем и пространством своего существования, человек становится субъектом своей жизни, переставая при этом быть заложником ситуации, объектом ситуативных влияний. А если он таковым становится, то имея пространственно-временные ориентиры, способен преодолевать актуальные границы ситуации. По определению К.В. Мартиросян «субъективный психологический хронотоп – временно-пространственная организация сознания человека, опосредствованная культурной символикой и образами значимых событий индивидуальной жизни в их сопряжении с образами культурно-исторического процесса» [20, с. 4]. Это означает, что хронотоп – это не естественная, натуральная реальность, а искусственная культурно-опосредствованная психологическая конструкция, что позволяет отнести его к разряду высших психических функций, а значит, рассматривать как предмет, соотносимый с традицией культурно-исторической психологии [9, 10, 11, 18, 19, 23, 28, 29].

Однако было бы упрощением сводить понимание хронотопа лишь к культурно организованному пространству (от обустройства жилища и архитектуры до понимания Космоса) и к культурно оформленной хронологии (от распорядка дня до истории Человечества и Вселенной). Если под хронотопом понимать форму, способ оформления содержания психической жизни, то сама история этого понятия позволяет соединить в нем чувственную ткань сознания, бессознательный «драйв» и координацию живого движения. Ведь исходно применительно к человеческой реальности это понятие было введено, с одной стороны, для описания-объяснения психомоторных актов (А.А. Ухтомский [30]), с другой стороны как модель понимания эстетической формы (М.М. Бахтин [2]). «*Хронотопический слой сознания* (курсив по цитируемому изданию. – *Е.В.*), – пишет В.П. Зинченко, – введен, чтобы понять, как сознание справляется с такими суровыми определениями бытия как время и пространство, сплавляя их в двуликий, активный, актуально-переживаемый и осмысливаемый хронотоп (здесь и теперь). И. Кант считал пространство априорной формой внешнего чувственного созерцания, а время – априорной формой внутреннего чувственного созерцания. Не касаясь проблемы априорности, скажем, что в хронотопе отношения между внешним и внутренним созерцанием пространства и времени гораздо сложнее. Хронотоп – это пространственно-временная структура, в которой при определенных условиях внешние и внутренние формы могут меняться местами. Хронотоп – это пространственно-временное измерение сознательной (и бессознательной) жизни, сконструированное самим же сознанием. В хронотопе причудливо переплетаются субъективное и объективное, по-разному представлены значащие, смысловые и ценностные аспекты сознания» [12].

При общем сходстве с высшими психическими функциями, в том их понимании, которое представлено в теории Л.С. Выготского, и согласно которому у таких функций есть натуральная основа и культурное оформление и опосредствования, обеспечивающие произвольность, хронотоп – образование сквозное, т.е. не являющееся новообразованием какого-либо определенного возрастного периода. Это своего рода «перетекающая» форма субъективной психологической реальности. «Освоение человеком пространственно-временного континуума своей жизни, – пишут А.М. Медведев и К.В. Мартиросян, – его построение сопряжено со становлением психологических новообразований в раннем онтогенезе и осознанием смыслов существования в молодости и зрелом возрасте. Субъективный хронотоп, несомненно, является культурной формой построения жизненного пространства-времени человека. Закономерности его построения *могут быть соотнесены с закономерностями становления высших психических функций* (курсив мой. – *Е.В.*) в раннем онтогенезе (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Б.Д. Эльконин), а затем и динамических смысловых систем индивидуального сознания личности (Л.С. Выготский), личностных

смыслов (А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев)» [23]. Заметим – «соотнесены», но не «сведены» и не «отождествлены».

Концепт субъективного психологического хронотопа представляется продуктивным для использования в психологическом анализе субъективного мира человека, если этот анализ проводить, следуя идее Л.С. Выготского [8], не по элементам, а по единицам. Напомним, что Л.С. Выготский в качестве исходного методологического различия предложил рассматривать два типа анализа. Первый характерен и привычен для классического естествознания – это поиск «атомарных структур» и, соответственно, далее неразложимых элементов изучаемого предмета. Л.С. Выготский приводит в качестве гипотетического примера действия исследователя по выяснению способности воды тушить огонь, и говорит, что при подходе, ориентированном на элементаризм, исследователь «прибег бы к разложению воды на кислород и водород как к средству объяснения этих свойств. Он с удивлением узнал бы, что водород сам горит, а кислород поддерживает горение, и никогда не сумел бы из свойств этих элементов объяснить свойства, присущие целому» [8, с. 16].

В отличие от элемента или структуры, собранной из элементов, единица содержит конституирующие свойства и потенции развития того целого, по отношению к которому она является единицей. Известно, что основатель деятельностного подхода в отечественной психологии А.Н. Леонтьев базовое понятие своей теории – деятельность – называл «молярной единицей» психики человека [13]. Если же говорить о «молекулярной единице», то на эту роль предлагается несколько понятий – действие, переживание, смысл. Как отмечают И.В. Жуланова и А.М. Медведев, «с точки зрения культурно-исторической психологии, искомым простым целым выступает акт овладения собственным поведением (деятельностью), предполагающий знаковое опосредствование...» [11, с. 19]. В своем анализе, посвященном выделению прототипа такого «простого целого» авторы приходят к предположению, что таким прототипом может быть действие-достижение (трудовой акт) или действие-переживание (эстетический или этический акт). Авторы отдают предпочтение действию переживанию, обосновывая это следующим образом.

«... Переживание ставит действие на ту грань, которую И. Кант... обозначал как границу физического и морального миров, – пишут И.В. Жуланова и А.М. Медведев. – В этом акте человек проявляет себя как трансграничное существо, способное выходить за границы наличного. Это обращение к идеальному и через это обращение соединение человека с родом (К. Маркс)» [11, с. 22]. И далее: «В этих действиях становится возможным самообнаружение субъекта, более того, в своей полной, нередуцированной форме они предполагают “собранного субъекта”» [там же, с. 24].

Ф.Е. Василюк в монографии «Психология переживания» пишет о том, что осуществление границ жизненного и психологического мира дано в затруднениях и боли. Мы «чувствуем» психологическое время и пространство, только если находимся в неких проблемных отношениях с ними, в противном случае мы просто «в них», находимся в состоянии потока и их не замечаем. «Психологический мир не знает ничего непсихологического, – пишет Ф.Е. Василюк, – в нем не может появиться ничего инородного, относящегося к иной природе. Однако в психологическом мире время от времени обнаруживаются особые феномены (в первую очередь трудность и боль), которые хотя и являются полностью психологическими и принадлежат исключительно жизненной реальности, но в то же время как бы кивают в сторону чего-то непсихологического, источником чего данный жизненный мир быть не мог. Через эти феномены в психологический мир заглядывает нечто трансцендентное ему, нечто “оттуда”, но заглядывает оно уже в маске чего-то психологического, уже, так сказать, приняв психологическое гражданство, в ранге жизненного факта. И только своей тыльной стороной

эти феномены настойчиво намекают на существование какого-то самостоятельного, инородного бытия, не подчиняющегося законам данного жизненного мира» [6].

Таким образом, можно полагать, что сами временные и пространственные границы психологического Я проблематичны – их понимание возможно только в связи с их актуализацией-проблематизацией. А это, в свою очередь, позволяет предположить, что отношение к хронотопу своей субъективной реальности актуализируется в моменты перехода, на границе, когда происходит смена жизненных алгоритмов.

Пространство и время требуют **управления**, подтверждения собственной воли, психологического оснащения – **опосредствования**. Время растягивается и сжимается, застывает, оттаивает, стоит или бежит. У каждого человека существует особенный ритм жизни, который различен у жителей разных городов и изменяется у одного человека при его перемещениях их одного города в другой город. Опосредствование и управление предполагают учет и активное встраивание в **предметность культурной среды**, учет ее предметно воплощенных значений и назначений. «Это, например, – пишут П.Г. Нежнов и Б.Д. Эльконин, – предметность жилища, лодки, площади и т.п. Специфика таких предметностей в том, что они имеют как бы “собственную энергетику”, собственную стихию и потому требуют Управления (подчеркнуто авторами) в подлинном смысле слова» [24, с. 25].

Сходное представление о психологических эффектах ближайшей человеческой «среды обитания» находим у А.Ф. Лосева.

«Возьмите вашу комнату, – пишет А.Ф. Лосев, – в которой вы постоянно работаете. Только в очень абстрактном мышлении ее можно представлять себе как нечто нейтральное к вашему настроению и вашему самочувствию. Она то кажется милой, веселой, радушной, то мрачной, скучной и покинутой. Она есть живая вещь не физического, но социального и исторического бытия. И тут дело вовсе не в вашем субъективном настроении. Сколько бы меня ни убеждали, что это только мне одному, в силу моих субъективных свойств, моя низкая и темная антресольная комната кажется веселой и радостной, – все равно весела и радостна сначала она сама, а потом уже она производит на меня такое воздействие» [16, с. 78].

Как отмечают А.М. Медведев, И.В. Жуланова и М.В. Марокова – авторы монографии, посвященной генетико-моделирующему методу (основному методу теории Л.С. Выготского),

«... собор – это не только помещение с особой архитектурной внешностью, внутренним убранством и особой акустикой и прежде всего не это, а место совместного сосредоточения на предмете культа;

площадь – это не только место пересечения улиц и транспортная развязка, но прежде всего центр архитектурной композиции и место встреч (*meeting*–ов) горожан;

лодка – это не только конструкция, не пропускающая забортную воду, но и место совместных согласованных усилий членов команды по борьбе со стихией и преодолению водного пространства» [22, с. 100].

При «правильном» использовании значение переходит в назначение, т.е. в реальных действиях и переживаниях людей воспроизводится культурно-исторический смысл предмета, пространства, хронотопа места. Иногда же наблюдается дрейф значения. (Например, слово «вертеп» – исходно углубление в скале, где пастухи спасались от непогоды, и где родился младенец Иисус, в дальнейшем стало обозначать ящик для рождественских кукольных представлений, а то и вовсе – пристанище воров и проституток). То же происходит и с временными значениями и их оценками. Так помимо уже привычных «жаворонков» и «сов», все чаще обсуждаются проблемы «прокрастинаторов» или «достигаторов». Во многих бизнес-книгах предлагается спать по 4 – 5 часов, чтобы достигать большего количества целей. На

противоположной стороне – ночное написание дипломов, сдача проектов в последний момент и другие распространившиеся в последнее время проявления прокрастинации [5]. Это не значит, что тот или иной способ совладания со временем плох или хорош. Это особенный, личный ритм, каждый человек сам создает реперы, которые конституируют его время и пространство. Но понять их целесообразность и осмысленность можно только выявив обобщенные цели и смыслы – концепцию субъективно-личностного хронотопа, его общую конституцию.

Если рассматривать психологическое время в контексте жизненного пути, как временную перспективу жизни, то можно выделить два варианта ее построения:

- «автобиографическое резюме»: родился, пошел в детский сад, затем в школу, поступил в институт, нашел работу, женился, вышел на пенсию;
- варианты, которые несут в себе смысловую целостность, проносят некую общую идею через все этапы жизни.

Во втором – экзистенциальном варианте – эксплицируется тема смысла ввиду выхода к проблеме трансграничности человеческого существования: человеческая жизнь как жизнь индивида конечна, а смысл неисчерпаем. «Трагедия человеческой ситуации, – пишет Э. Фромм, – отчасти в том, что развитие Я никогда не бывает полным; даже при самых лучших условиях реализуется только часть человеческих возможностей. Человек всегда умирает прежде, чем успевает полностью родиться» [31, с. 320].

Сензитивность респондентов к обсуждению и экспликации интересующего нас отношения-переживания человека к хронотопу своей жизни определяется тем, насколько актуализирована в их сознании экзистенциальная проблема.

Первые проявления такой актуализации наблюдаются достаточно рано. Вот пример из личного наблюдения: девочка, 6-ти лет, говорит маме: «Мама, отойди от дороги, тебя может сбить машина, а ты еще молодая, чтобы умирать». Острое переживание своих границ, своей конечности, смертности, возникает одновременно с пониманием того что *все люди смертны*, и представлено в 5 – 6 летнем возрасте при определенном уровне когнитивного и эмоционального развития – переходу к фазе децентрации (по Ж. Пиаже [25]). В этом возрасте впервые происходит интериоризация представлений об ограниченности существования человека: сначала эта идея примеривается по отношению к близким людям, а затем переносится на осознание своей жизни. Это хронологически первые танатические переживания в жизни человека. Затем они снова возникнут в подростковом возрасте, возможно в форме «подростковой метафизической интоксикации» (термин А.Е. Личко [15]) и будут возвращаться в кризисные моменты жизни.

В качестве примера описывающего отношения со временем, приведем цитату из книги норвежского писателя Э. Лу «Наивно.Супер»: «Проснувшись утром, я понял, что дальше так не может продолжаться. Я остался в постели и стал думать. Дело было не в крокете. Это я знал точно. Крокет – это пустяки, а тут было что-то важное. Меня почти сразу осенило, что оно имеет непосредственное отношение к тому, что мне исполнилось уже двадцать пять лет. Именно это меня и мучило. Мысль о взрослении почему-то всегда вызывала у меня тревожное чувство. Пространство меня, в общем-то, мало волнует, но вот со временем у меня проблемы. Оказывается, время не существует. Тут трудно сделать какой-то другой вывод. Во всяком случае, не существует единого времени. Есть мое время. Твое время. Время Поля. Солнечное время. Много всяких времен. Много разных времен – это то же самое, что никакого времени» [17, с. 68].

Возвращаясь к характеристике хронотопа, данной В.П. Зинченко, отметим, что по его мнению, «хронотоп – это пространственно-временная структура, в которой при определенных условиях внешние и внутренние формы могут меняться местами» [12]. На наш взгляд, это происходит в те моменты, когда, казалось бы, внешние изменения «режима функционирования» – смена социальной ситуации, переезд в другой город, или, как в случае с нашими респондентами, прибытие в реабилитационный центр для наркозависимых – изменяет внутреннюю диспозицию образов, мотивов и смыслов, приводя к соответствующему переживанию (затруднению и боли – в терминологии Ф.Е. Василюка [6]).

Приступая к исследованию хронотопа субъективной реальности, мы должны были выбрать релевантный предмету **исследовательский подход**.

«В настоящее время психодиагностика личности опирается на два основных подхода, – пишут Н.А. Алмаев и Г.Ю. Малкова, – формализованные личностные опросники и содержательный анализ вербальной продукции. Осуществление каждого из них характеризуется особой гносеологической ситуацией. Заполняя опросник, субъект должен делать выбор из предложенных ему утверждений, зачастую малоподходящих. Таким образом, получается, что субъект выбирает *наименее не подходящее*, однако при этом исследователь может быть уверен, что формально получит ответы по всем содержащимся в опроснике темам. Контент-аналитическое исследование личности базируется на свободно порожденном тексте, т.е. субъект при его создании выбирает наиболее подходящие слова для описания психологического содержания. Однако при этом нет гарантии, что *интересующие исследователя темы* (курсив мой. – Е.В.) будут затронуты. Соответственно, можно констатировать взаимную дополнительность обоих подходов и перспективность исследований, их сочетающих» [1, с. 20]. В нашей работе мы старались нивелировать «интересующие исследователя темы» и предоставить респондентам самим выбрать то содержание их жизни, которое они могут вербально воспроизвести и, может быть, придать ему какое-то субъективное значение и смысл. За уточнением выбранной нами методологической ориентации обратимся к В.И. Слободчикову.

В.И. Слободчиков определяет не два, а три подхода, которые возникли, соответственно на трех этапах развития научной психологии, а сегодня существуют как самостоятельные направления.

«Первый этап – это *классический, естественнонаучный* (здесь и далее курсив по цитируемому изданию. – Е.В.) период. Здесь объектом познания была положена психика как свойство высокоорганизованной живой материи, в частности мозга. Предметом стали психические явления в живой природе... Смысл познания можно было бы обозначить как поиск ответа на вопрос: что такое психическое явление с точки зрения *стороннего* наблюдателя. Следующий этап – *неклассическая психология*. Прародителем этого этапа развития психологического знания несомненно является З. Фрейд. Сутью *парадигмального сдвига* в системе знания стала попытка вырваться за пределы *феноменологии психического*... попытка выхода в феноменологию *человеческой реальности*. Существенно, что это, во-первых, именно “попытка”, но не само вхождение, и во-вторых – в феноменологию, но не в саму реальность. Здесь главный вопрос: как и в каких феноменах я дан себе с точки зрения теперь уже *заинтересованного* наблюдателя?» [26, с. 25]. И, наконец, третий подход, именуемый «антропным» или «антропологическим», определяется следующим образом: «Этот новый этап пока можно поименовать как этап *пост-неклассической психологии*. В рабочем (нестрогом) смысле можно говорить о гуманитарной, *антропной* психологии. Пост-неклассическая психология – это не только прорыв за пелену психической реальности, не столько погружение и ориентация в человеческих ситуациях, сколько конвергенция, интеграция, исцеление, реабилитация самой человеческой реальности, и уж затем только

“человеческой ситуации” и “человеческой деятельности”. Здесь главный смысл познания связан с поиском ответа на вопрос: кто я есть с точки зрения *внутреннего* наблюдателя» [там же, с. 26].

Если ориентироваться на идею антропного подхода и принимать в качестве необходимого атрибута такого подхода *актуализацию позиции внутреннего наблюдателя*, то соответствующим методом будет нарративный метод, а соответствующим средством экспликации субъективного хронотопа – Я-нарратив [4, 7]. Мы предположили, что Я-нарратив может быть средством экспликации не только содержания субъективного хронотопа, но и разрывов в нем и «пустот», которые можно представить как психосоциальный мораторий (по Э. Эриксону [32]). Для выхода из состояния моратория необходимо овладение временем, что представляется важной экзистенциальной задачей.

Мы проводили исследования на базе одного из центров реабилитации наркозависимых в Волгограде.

Сначала мы анализировали полученные результаты по следующим формальным показателям:

- хронометрия субъективно значимых событий (их «прописка» в прошлом, настоящем, будущем);
- дальность планирования;
- временная инверсия.

Особое внимание уделялось последнему показателю Временная инверсия – это несоответствие между субъективным и объективным временным измерением значимого события. Она может быть следствием травматических событий («друг детства умер, когда мне было 6 лет, а я переживаю это сейчас»), значимости события как конституирующего почти всю временную перспективу («занимаюсь танцами 2 года, а кажется, что целую вечность»), либо плохо развитой временной перспективы, ее спутанности, диффузности.

Затем мы переходили к анализу и интерпретации представленных в текстах событий и переживаний.

Участники нашего исследования имели различный жизненный опыт, включая появление, сроки и особенности наркотических сюжетов. Тем не менее, можно проследить некоторые общие для всех черты в конструировании «личной теории».

А. Выраженная склонность к психологическим защитам, преобладание внешнего локуса контроля, «локус контроля – жизнь» (в терминологии Д.А. Леонтьева [14]). Использование безличных конструкций: «начало возвращаться чувство одиночества»; «желание учиться пропало» и т.д. С героями нарративов что-то происходит в соответствии с внешними детерминантами: их направляют, приводят, уводят, что-то или кто-то появляется в их жизни и исчезает. Некоторые автобиографии посвящены не самому автору, а его родителям, маме. В ряде случаев – вместо биографии – «анамнез», «история зависимости». Такая дистанцированность представляется нам проявлением защитного механизма. Однако в некоторых автобиографиях представлена и субъектная позиция: внутренний локус-контроль и попытка субъективации собственного опыта.

Б. Подчеркивание «нормальности» своей семьи и начала жизни. «У меня была полноценная семья», «Я родился в полноценной семье мама, папа». Можно предположить, что это манифестация того, что зависимость – это интервентный агент, не содержащийся ни в биологической, ни в социальной генетике. Это своего рода «стихийное бедствие», вторгшееся в субъективный мир извне.

В. Традиционный хронотоп, встречающийся в биографиях респондентов, свободных от зависимости [21] «герой – путь – проблема – решение» трансформируется или редуцируется. Герой на своем жизненном пути встречает проблему, но не решает ее. В качестве решения на данный момент представляется центр реабилитации. Для женщин точкой фиксации становится беременность и рождение ребенка, разлучение с ним и дальнейшее воссоединение.

Г. Проявляется принадлежность к единой субкультуре (хотя авторы биографий проживали в разных регионах страны), использование жаргонизмов: «ребуха» – реабилитационный центр; «наркуша» – наркология, «барбитура» – барбитураты, «шустрые» – быстрые наркотики, «соупотреб» – партнер по употреблению наркотика или люди «подсевшие» на то же вещество и т.п.

Д. Около 30% описываемых в автобиографиях событий связано с наркотиками. Но если провести мысленный эксперимент по «изъятию» этой темы из текстов, то в целом распределение событий будет такое же, как у «условно нормальной» выборки (студенты первого и второго высшего образования): поступление и окончание школы, колледжа, интимно-личные отношения, работа, переезды.

Е. Слоган «наркотики отнимают у человека будущее» имеет практически прямое значение. В текстах автобиографий нет никаких планов на дальнейшую жизнь, хотя в инструкции было указано, что «биография может включать события из прошлого, настоящего и будущего». При выделении 15 значимых событий респонденты практически все их расположили в прошлом, последнее – прибытие на реабилитацию, а иногда и начало употребления наркотиков. Вся дальность планирования, если она есть, определяется выходом из реабилитационного центра – через 6 месяцев. Те же особенности обнаружились и у респондентов, имеющих только алкогольную зависимость.

Ж. В тексте автобиографий некоторые респонденты указывали, что события путаются и мешаются, однако выделенные значимые события у большинства хронологически выдержанны. Мы можем предположить, что календарь становится единственным способом оценки времени происшествий, при отсутствии внутреннего стройного событийного (причинно-следственного) хронотопа. Без «включения» календаря последовательность и связь событий восстанавливается с трудом.

Мы получили явные различия между мужскими и женскими Я-нарративами.

Приведем примеры текстов. Указаны пол, возраст и «стаж». Тексты приводятся с сохранением авторской лексики.

Автобиографии мужчин

Временная составляющая хронотопа представлена по преимуществу детскими воспоминаниями. Психотрамвирующие события лишь отмечаются, но не интерпретируются. Ближайшая перспектива туманна. По степени разработанности субъективный хронотоп соотносим с тем содержанием и особенностями структурирования, которые описаны в исследовании А.М. Медведева [21] применительно к подростковому возрасту.

М., 28. Зависимость 10 лет

«Родился в 1986 г летом, как и сестра-двойняшка. Родители работали на авиационном заводе, когда я подрастал. Рос я беззаботно и интересно. Многообразие дворовых игр, беготня по крышам высоких домов, и за девчатами, тоже вносило интересы в мою жизнь. С сестрой ругались и дрались, что было неправильно с моей стороны, но в силу очень молодого возраста, я этого не особо хотел понимать. Попробовал курить сигареты в классе 8, ну а далее попробовал анашу, в привычку это не входило. Занимался футболом и вообще спорт любил. В

11 классе начал выпивать, курить и сигареты и анашу. После начал принимать семечки маковые, периодически это происходило. Зимой зависали на хате, и кололись этой дрянью. После зимы бросал. Бывало, что год не травился. Вообще в течении 10 лет я периодически подтравливался. Тут я потому что попробовал героин. Подсел не так быстро, но все же оказался по одну руку с зависимыми наркоманами. Будущее для меня пока еще непрозрачно. Но думаю, когда выйду в полном здравии, с отсутствующими мыслями о продолжении принимать наркотики, то у меня все сложится хорошо. Устроюсь на приемлемую работу, либо займусь чем-нибудь, что на 100% зависело бы от меня».

М., 36. Зависимость 13 лет.

«Родился 29 июня 1978. Семья моя состояла из 4-х человек. Мама, папа, брат и я. Помню своё детство, оно было счастливым. Мы вместе с семьёй любили отдыхать, за городом на шашлыках, в парках или ездили вместе в пансионаты или вели активный отдых в палатках на берегу Волги. За свое детство я занимался многими видами спорта, такие как плавание, дзюдо, коньки и футбол. Когда я пошёл в школу, жизнь моя покатила по наклонной. Сначала я закурил, потом попробовал алкоголь и затем наркотики. Я общался со старшими товарищами, которые меня всему научили. Я много раз отъезжал, попадал в милицию, получил 2 условных срока, один за кражу, другой за хранение наркотиков. Один раз я вообще очнулся в лесу, я отъехал, меня бросили друзья и когда это произошло, я подумал как мне повезло что я остался жив. В этом я вижу высшую силу которая мне указывала, что пора остановиться, ноя все равно продолжал употреблять. Прошло еще какое-то время и я понял что не могу избавиться от героина, заменив его другим наркотиком. Но произошло то чего я и ожидал. Я попал в зависимость к другому наркотику. Это продолжалось еще несколько лет. Я стал замкнутым, не хотел ничего делать, ни с кем общаться и хотел избавиться от зависимости. Когда меня уволили с работы на которой я отработал 10 лет, я ощутил душевную пустоту и понял что больше не хочу употреблять. Теперь я здесь. Радуюсь жизни, не хочу больше зависеть от наркотиков. Хочу жить интересной, насыщенной радостными событиями жизни и получать от этой резвой жизни удовольствие».

Женская автобиография

Учитывая объем текста, мы ограничимся одним примером женского Я-нарратива.

Ж., 31. Зависимость 3 года

«I период моей жизни я назову – детство и юность.

Я родилась 20 июля 1985 года в полной семье: мама моя работала бухгалтером, а папа электриком в школе. С детства я была неусидчива и гиперактивна, но, к счастью, обладала способностью быстро чему-то учиться. Т.к. я очень рано научилась читать, меня отдали в школу раньше на год. В школе училась хорошо, легко давались все предметы, но из-за моей излишней активности поведение всегда было неудовлетворительным. Отец злился за меня на это, т.к. хотел, чтобы я вела себя так, как он планировал у своего ребенка. Несмотря на то, что мои родители были порядочными людьми, с нравственной точкой зрения отношения с ними у меня не складывались. Мама, в принципе, понимала меня и поддерживала, но оч. увлекалась своей карьерой – она у нее всегда была на 1-м месте, отец периодически запивал на недельку и слишком много требовал от меня, практически все мне запрещал (до 11 класса я не гуляла со сверстниками). Его метод воспитания был прост – кнут. Я выхватывала за все, но при этом не могу сказать, что он не любил меня, просто его любовь проявлялась в особенной жесткости, но это теперь я понимаю, а тогда мне казалось, что он ненавидит меня за что-то и специально ставит мне границы во всем. Тогда я начала мечтать побыстрее закончить школу и уехать из дома, родителям я никогда ничего про себя, свои внутр. ощущения не рассказывала. Всё это время я очень любила читать, чему сейчас несказанно рада! Школу

закончила с двумя 4-ками, т.к. мне отлично давались гуманитарные предметы, а особенно рус. яз. и лит. Мои родители решили, что я поступлю в педагогический ВУЗ, что я и сделала. Мне понравилась студенческая жизнь, учеба мне легко давалась, а особенно я радовалась тому, что уехала наконец-то от родителей. Еще самое главное для меня было в детстве – это рождение моего брата – Кости, у нас с ним разница 13 лет. Пока я не закончила школу, нянчилась, постоянно с ним сидела, т.к. мама рано вышла на работу. На сейчас – это очень близкий и родной мне человек, которого я очень сильно люблю и горжусь.

II период в своей жизни я назову ~~знако~~–семейная жизнь. Перед окончанием учебы я знакомлюсь со своим мужем, звали его ***. ~~Вкратце скажу, что это за человек, бывший всю жизнь~~–Он был на 2 года старше меня, сидел 3 раза в ~~тюрьме~~ за кражи, угон автомобиля, но тем не менее был интересным человеком для меня тогда. У нас была, как мне казалось, любовь. Мы были из разных миров, жили разной жизнью, но все это ~~вместе~~–было ~~ее~~еем незаметно, т.к. интересно для меня, т.к. ~~видела, что он не такой как все~~. Отношения продолжались год и когда я решила в 1-й раз уйти от него, в этот момент он и показал себя с другой стороны – но когда после слёз, разговоров и признаний в любви и угроз покончить жизнь самоубийством. Он понял, что это все не прокатывает и разозлился так сильно, что началось преследование меня, попытки избить, шантаж моих подруг, битье окон и т.д. В такие моменты в жизни я жила в постоянном страхе, ужасе, и ощущение безысходности и отчаянья. Мои близкие друзья ненавидели его – просили, чтобы я решила с ним с их помощью расстаться, но я считала, что это предательство с моей стороны, тем более я понимаю какой. В общем, когда он понял, что этот метод работает, он начал применять его постоянно, когда я хотела разорвать отношения – это продолжалось несколько лет, пока я не осознала, что так происходит, значит это моя судьба и никуда я от нее не денусь. ~~Но~~е-э-э-э Не могу сказать, что я его любила, все 9 лет от начала до конца, у нас было очень большое чув-во друг к другу. Мы практически всегда была счастливы, и я даже привыкла к этим вспышкам агрессии и даже научилась успокаивать его без вреда для своего здоровья. Занимался он машинным бизнесом, имел несколько рус. авто, сдавала под такси, также всегда занимался спортом. Я никогда и никого не боялась, всегда была под его защитой, уважала его за силу и смелость. Еще очень важное место в моей жизни занимал период, когда я понесла самую глубокую утрату в своей жизни – это смерть отца. Мы поехали к моим родителям в 1-й раз, отец был в запое почти 2 недели. Он всю свою жизнь периодически запивал – раз в 2 – 3 месяца на недельку, мы к этому привыкли и считали это нормальным, но в этот раз его сердце не выдержало и остановилось. Это произошло в эту поездку, мама была на работе. Он умер у меня на руках, перед смертью как будто почувствовав, попросил прощения, что бил меня все детство. Именно в этот момент, когда я говорила: “Пап, ты чего? Все нормально, ты всё правильно делал, я нисколько не обижаюсь – это ты меня за все прости” Я тоже интуитивно почувствовала, что это последний разговор.

Мы долго делали искусственное дыхание, но ничего не помогло, врачи не успели, у меня была жуткая истерика, а *** (брат), ему в то время было лет 9, пережил такой шок от увиденного что до сих пор вообще не разговаривает об отце и не вспоминает – ему больно.

Мама через несколько лет вышла замуж еще раз и до сих пор живет с мужчиной и счастлива. Я и *** (брат) поддержали её, т.к. считали, что она заслуживает быть счастливой.

В это же время мама получила наследство и выдала мне денег на жилье, но я уговорила вложить в бизнес – у нас был знакомый, который хотел замутить баню. Мы заказали деревянный сруб и отстроили баню. Начали зарабатывать норм. деньги, в то время я не употребляла и вкладывала доход грамотно: в себя и семью, закончила еще курсы доп. образования: “ландшафтный дизайн” и “массажные курсы”. Моя семья и партнер по бизнесу были против моей супружеской жизни, но я никого не слушала, т.к. привыкла уже к этому

человеку и не представляла жизнь без него, еще и потому, что он ни за что не оставил бы меня в покое, пока сам хотел быть со мной. Он привык иметь был жуткий собственник, я часто ощущала себя (неразборчиво), т.к. он указывал мне, что делать, что говорить и т.д., ~~и я научилась им манипулировать по хитрому~~, как будто я какая-то вещь, у кот. м.б. своих желаний и мнения тогда я научилась добиваться своих целей ч/з хитрые манипуляции, что он даже не замечал. Еще его раздражало, что я зарабатываю больше него, но тем не менее гордился мной.

Мы начали употреблять амфетамин и “экстази” от бестолкового “нечего делать”. Я любила поклубиться и мне понравился этот кайф, он начал покалываться.

(Предполагается вставка последнего абзаца. Он был дописан после всего текста, но автор указала стрелкой, что его место должно быть здесь. – *Е.В.*).

III период – падение

Со временем *** (коллега), начал догадываться, что я употребляю наркотики, т.к. я начала забивать на работу, опаздывать либо придумывать отмазки, чтобы не ехать, также я халатно относилась к работе: я была на телефоне, принимала звонки, где д.б. объяснять что мы предлагаем, красиво все расписывать (а так же я была администратором), короче, цеплять клиентов. Я этого не делала, а иногда и вовсе не брала трубку. Продолжалось это недолго, *** (коллега) узнал и поставил условия: либо работаю, либо *** (муж) и наркотики – я должна была выбирать что-то одно. ~~Так как~~ Так же он воспользовавшись моим состоянием кумара договорился со мной и мы поехали и оформили сделку - я переписала ему свою половину бани, он объяснил это тем, ~~что я наркоманка неизвестно~~, что я могу натворить с нашим бизнесом (имуществом). Ну что было потом уже, наверное, понятно. Он стал постоянно придумывать мне все новые и новые ограничения, в итоге я все ему отдала и перестала этим заниматься. Так я потеряла все материальное благополучие, которые так долго добивалась. Переехали мы к моей свекрови, продолжали употреблять, но периодически пытались бросить, то посещая собрания АН, то бросая сами по себе, но в большинстве случаев кололись, *** (сына) забрала моя мама, когда мы в 1-раз легли в наркологическую больницу, тогда она точно узнала, что мы наркоманы и с тех пор сына нам не отдавала, поставив мне условия чтобы я ушла от мужа и уехала жить к ней. Я была, в принципе, не против, но он без меня находиться вообще не мог, постоянно забирал от моих. Короче. Как всегда, не отпускал меня ни на шаг. Нашего сына он любил, но себя любил больше, считая, что я ему нужнее. В общем, так прошёл последний год, пока мы не решили лечиться от наркомании, я в реб. центр, он в дурку. Договорились мы, что он заберет меня ч/з 2 недели, но приехала моя мама и забрала в (название центра). До сих пор я боюсь, что еще не все закончилось, он по-любому в шоке что я пропала и злой, но, надеюсь, что Господь уберёжёт меня и я никогда его не увижу. Теперь я выздоравливаю, знаю, что у меня есть шанс на новую жизнь, верю в себя, люблю только своего ребенка и буду начинать новую жизнь без наркотиков, зла, тьмы, страха.

(Следующий абзац был дописан отдельно как вставка, предназначенный занять место перед фрагментом «III период – падение». – *Е.В.*).

Потом я забеременела – это было самое счастливое время. Я ничего не употребляла, а мой муж уже сидел на героиновой системе, думал, что у нее все и так отлично что героин даже помогает ему. В 2010 году я родила прекрасного малыша, совершенно здорового, слава Богу, назвали ***. Год я прекрасно справлялась с новой ролью матери. Игорь продолжал колотиться, но уже понимаю, что он в проблемах. Затем я начала заново нюхать амфетамин. Я как-то решила сняться с героина, стало легче и я начала потихоньку употреблять – в будни фен, а на выходных героин. Через-еще Так продолжалось год, по истеч. которого я по мне уже

было видно, что я употребляю, я была худая, на работе это не сказывалось, пока меня не начало кумарить».

Перейдем к **комментариям и интерпретации**.

Начнем со сравнительных отличий мужских и женских Я-нарративов:

- в большинстве случаев (в группе наших респондентов было единственное исключение) тексты значительно различаются по объему – женские Я-нарративы превышают мужские более чем вдвое;
- женские Я-нарративы менее схематичны по своей сюжетной канве, в них содержатся «остановки» на наиболее «аффективно заряженных» событиях и описание соответствующих им переживаний, равно как и отступления;
- временная составляющая нарративного хронотопа в мужских вариантах, как правило, выстраивается линейно в соответствии с календарной хронологией; в женских вариантах чаще встречаются временные инверсии и заикливания;
- пространственная составляющая в мужских вариантах нарратива представлена относительно формально – «стенами» воспитательных и учебных заведений, мест работы, службы; в женских вариантах более подробно описано социальное пространство, его динамика, трансформации и драмы.

Конечно же, для этой группы респондентов ключевым моментом в общем хронотопе жизни является «точка перехода» – «когда и где» хронотоп жизни претерпел принципиальную трансформацию. По этому показателю тоже обнаруживаются различия.

И в мужском, и в женском варианте хронотоп этого переходного события не имеет особого внутреннего содержания, он предстает своей поведенческой канвой.

«До этого времени я занимался спортом, увлекался спортивными играми, после тоже уделял время спорту, но уже не настолько сильно как было до этого т.к. в моей жизни уже появились наркотики» (М., 19). «В восьмом классе я начала употреблять алкоголь и попробовала травку» (Ж., 30). «Сначала я закурил, потом попробовал алкоголь и затем наркотики» (М., 36).

У хронотопа перехода нет *собственного* смысло-жизненного контекста.

И только в женских вариантах нарратива, также не имея *собственного внутреннего содержания* (описаний образов измененного сознания, содержания галлюцинаций, изменений порогов восприятия, выхода в «иную реальность»), представлены описания отношений-переживаний, *связанных с изменением социально-психологического мира*. Женщины значительно реже (что подтверждается и другими исследованиями [10, 27]) отмечают в качестве причины начала наркотизации любопытство и желание рискнуть. Для женщин более характерно получение наркотиков от ближайшего окружения (мужа, сожителя, ближайшей подруги), и значительно реже от дилера или посредством кражи и собственного изготовления.

Женские варианты, конечно же, отличаются от мужских описаниями переживания беременности и появления ребенка (или прерывания беременности). Для женщин беременность становится не только важнейшим жизненным событием, но и индикатором «нормальности/ненормальности» происходящего с ними, поскольку необратимо изменяет как их «медицинскую», так и их социально-психологическую ситуацию. В проанализированных нами женских Я-нарративах это событие предстает как мощная «провокация» принципиальной *амбивалентности отношений-переживаний*. (Вспомним указание Ф.Е. Василюка на «трудность и боль» как индикаторы существования психического мира как живого.) С одной стороны, это напоминание о существовании и осуществлении как бы *иного*

хронотопа жизни, который относительно отделен от канвы обыденности, в том числе от наркотических сюжетов. С другой стороны – это событие становится катализатором и проявителем всего клубка проблем, среди которых отношения с родителями, отношения с биологическим отцом ребенка, отношения с ближайшим социальным окружением, необходимость медицинского мониторинга, а значит и выявление медицинским персоналом пристрастия к наркотикам.

Приведем несколько выдержек.

«Период беременности протекал спокойно, без проблем. Я доучивалась в колледже, муж работал и заботился обо мне, а я о нем. Казалось, что теперь так будет хорошо всегда. <...> (Далее следует алогичный переход к негативному полюсу казалось бы благополучной и осмысленной ситуации. – *Е.В.*) Дело в том, что с тех пор, как я забеременела, все мои друзья куда-то разбежались. Со мной им было неинтересно. Я общалась с сестрой мужа, она жила вместе с нами. И одним вечером она предложила попробовать употреблять, я согласилась».

«Так что от них я могла услышать только отвращение и услышала. Т.к. в 13 лет я поняла, что беременна. (Далее следует признание, которое в терминологии Э. Эриксона можно определить как констатацию смешанной, диффузной идентичности. – *Е.В.*) Очень тяжело ощущать себя беременной, когда ты еще играешь в Барби. В восьмом классе я начала употреблять алкоголь и попробовала травку. Отец отводил меня в школу за ручку и встречал из нее, но я умудрялась прогуливать уроки».

«В июне 09 года мы поехали большой компанией на Волгу, я встречалась на все выходные, по приезду оттуда я поняла, что с опаской предполагала что могу быть беременна, опасалась я того что последнее время употребляла алкоголь, травку, также опасалась что папа ребёнка был мне даже не парнем, а просто парнем с которым мы периодически спали для здоровья, также предыдущая беременность пугала меня».

Психологическая особенность ситуации состоит в том, что такие индикаторы существования субъективного мира как трудность, боль и страх становятся не ограничителями «перехода границы», а напротив, агентами, провоцирующими ее переход. Эта же «странность» отмечается и в других психологических исследованиях. «И вроде бы присутствуют по крайней мере три обстоятельства, которые могли бы удерживать лиц женского пола от злоупотребления наркотиками, – пишет Е.А. Соломатина. – Во-первых, несмотря на феминизм и эмансипацию... социальный статус женщины остается во многом традиционным. Женщина – хранительница домашнего очага, помощник мужчины, воспитательница детей... Поэтому на первый взгляд у женщин меньше причин искать иллюзорного счастья “на кончике иглы”, так как их интересы носят несколько иной характер, чем интересы мужчины, который в жизни ставит перед собой больше задач в сравнении с женщиной. Во-вторых, необходимо учитывать и то, что женщины по природе осторожнее мужчин, реже совершают опрометчивые и безрассудные поступки, более прагматичны и скрытны. В-третьих, нельзя забывать о чисто физиологических факторах, которые должны были бы удерживать женщин от употребления наркотиков» [27, с. 23].

Итог. Возможности использования Я-нарратива в качестве диагностического средства для выявления особенностей хронотопа субъективного мира у наркозависимых респондентов, действительно, нашли свое подтверждение.

В нашем исследовании в качестве таких особенностей были выявлены следующие.

Временная составляющая хронотопа у людей с зависимостью редуцирована к прошлому и настоящему, развернутой перспективы будущего она не содержит. Будущее аморфно и его граница в большинстве случаев определяется окончанием срока реабилитации. Во временной перспективе нет взаимоопосредствования событий – одно не становится

средством осмысления другого. Наркотический анамнез, как правило, существует в ней параллельно с другими событиями, если только не вырывает из потока жизни, не прерывает ее относительно налаженного течения.

Пространственная составляющая хронотопа в большинстве случаев представлена узко, если сравнивать ее с хронотопом «условно нормальных» респондентов, или эклектично – беспорядочная немотивированная смена места жительства. Содержательно пространство определяется как «место пребывания», а пространственные переходы – как смена мест пребывания, часто это смена пространства внутри центра реабилитации и вне его.

Я-нарративы мужчин и женщин обнаружили ряд различий: женские автобиографии менее схематичны по своей структуре, более «эмоционально заряжены», для них характерны, в отличие от мужских, временные инверсии и «заикливания». Центральной темой Я-нарративов женщин становится амбивалентное переживание беременности и появления ребенка (или прерывания беременности). С одной стороны, беременность необратимо изменяет как их физиологическую, так и социально-психологическую ситуацию, проявляет клубок проблем, среди которых могут быть отношения с родителями, отцом ребенка, социальным окружением, медицинскими службами: «постановка на учёт» при беременности неизбежно выявит пристрастие к наркотикам. С другой стороны, это напоминание о существовании и осуществлении как бы *иного* хронотопа, который относительно отделен от канвы обыденности, в том числе от наркотических сюжетов. Рождение ребенка, любовь к нему становится ресурсом, который может помочь женщинам преодолеть трудности реабилитации и вернуться к нормальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю. Контент-аналитическое исследование личности. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, №1. – С. 19 – 42.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Художественная литература», 1975. – 504 с.
3. Большой психологический словарь. – 4-е изд. расширенное / Сост. и общ. Ред. Б.Г. Мещеряков. В.П. Зинченко. – М.: АСТ МОСКВА; СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с.
4. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. №1 (2). – С. 9 – 31.
5. Варваричева Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. №3. – С. 121 – 131.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания. [Электронный ресурс]. Код доступа: http://lib100.com/book/psihologiya_perejivaniya.
7. Выгинная Е.А. Нарративный подход: между социальным конструктивизмом и культурно-исторической психологией. Материалы XIV Международных чтений памяти Выготского Л.С., Москва 12–16 ноября 2013. Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 т. Т. I. М.: РГГУ, 2013. – С. 301 – 307.
8. Выготский Л.С. Мышление и речь. // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6-ти т. Т.2. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
9. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.

10. Ерофеева М.Г. Личностные особенности наркозависимых с разным стажем употребления героина с учетом гендерных различий. Авторефер. канд. психол. наук. – СПб. 2006 – 22 с.
11. Жуланова И.В., Медведев А.В. Прототипы субъектного действия // Культурно-историческая психология. 2010, №1. – С. 18 – 26.
12. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания. [Электронный ресурс]. Код доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=363.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. Изд. 2-е. – 340 с.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 503 с.
15. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Речь, 2010. – 256 с.
16. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991 (Мыслители XX века).
17. Лу Э. Наивно. Супер. – М.: Азбука-классика, 2004. – 203 с.
18. Мартиросян К.В. Типологические варианты хронотопа человека // В мире научных открытий. 2013. №11.4 (47). – С. 266 – 276.
19. Мартиросян К.В. Особенности хронотопа человека // Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии: сборник материалов 6-й международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2015. – С. 130 – 131.
20. Мартиросян К.В. Структурные и этнокультурные особенности субъективного психологического хронотопа (на материале русских и армянских респондентов): Диссертация... канд. психол. наук. – Волгоград: 2015. – 225 с.
21. Медведев А.М. Ранняя юность: самосознание и жизненная перспектива: монография. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – 204 с.
22. Медведев А.М., Жуланова И.В., Марокова М.В. Генетико-моделирующий метод в исследовании психического развития: монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 186 с.
23. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «Науковедение», Том 7. №2 (январь – февраль 2015) [Электронный ресурс] – М.: Науковедение, 2015. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215> (доступ свободный). – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.
24. Нежнов П.Г., Эльконин Б.Д. Ритм развития в периодизации Д.Б. Эльконина // Педагогика развития: социальная ситуация развития и образовательные среды. Красноярск, 2006. – С. 24 – 28.
25. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка / Пер. с фр. В. Большакова. – М.: Академический Проект, 2006. – 480 с. – (Серия «Психологические технологии»).
26. Слободчиков, В.И. Христианская психология в системе психологического знания. // Московский психотерапевтический журнал, 2007, №3. – С. 23 – 31.

27. Соломатина Е.А. Психологическая деформация личности женщин-наркоманок // Юридическая психология. 2008, №2. – С. 20 – 25.
28. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. – Смоленск-Москва: Универсум, 2010. – 292 с.
29. Толстых Н.Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: Автореф. дис. д-ра психол. наук. – М., 2010. – 54 с.
30. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887 – 1939. – СПб.: Питер, 2002.– 448 с.
31. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 571 с. – (Philosophy).
32. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

Vyginnaya Elizaveta Andreevna

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: e.vyginnaya@gmail.com

About possibility of study drug addict chronotope at narrative

Abstract. The article discusses the possibilities of narrative approach in the study of chronotope drug addicts. Refines the contours of the concept «chronotope» in relation to the subjective reality of the person and applied to life situations of this respondents. The feasibility of using the concept of subjective psychological chronotope in the psychological analysis of the personality subjective world and Self-narrative as a means of its explication. Discusses the results of the research autobiographies and some common features of drug addicts subjective reality, manifested in the construction of personal theories, as well as differences in male and female self-narratives of their structure, temporal and substantive components. Specially treated with the topic of women's autobiographies associated with emotionally ambivalent experience of pregnancy and childbirth.

Keywords: Self-narrative; drug addict; experiencing; life way; chronotope; time perspective

REFERENCES

1. Almaev N.A., Malkova G.Yu. Kontent-analiticheskoe issledovanie lichnosti. Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2006. T. 3, №1. – S. 19 – 42.
2. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. – M.: «Khudozhestvennaya literatura», 1975. – 504 s.
3. Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'. – 4-e izd. rasshirennoe / Sost. i obshch. Red. B.G. Meshcheryakov. V.P. Zinchenko. – M.: AST MOSKVA; SPb: Praym-EVROZNAK, 2009. – 811 s.
4. Bruner Dzh. Zhizn' kak narrativ // Postneklassicheskaya psikhologiya. 2005. №1 (2). – S. 9 – 31.
5. Varvaricheva Ya.I. Fenomen prokrastinatsii: problemy i perspektivy issledovaniya // Voprosy psikhologii. 2010. №3. – S. 121 – 131.
6. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. [Elektronnyy resurs]. Kod dostupa: http://lib100.com/book/psihologiya_perezhivaniya.
7. Vyginayaya E.A. Narrativnyy podkhod: mezhdru sotsial'nym konstruktivizmom i kul'turno-istoricheskoy psikhologiyey. Materialy XIV Mezhdunarodnykh chteniy pamyati Vygotskogo L.S., Moskva 12–16 noyabrya 2013. Pod red. V.T. Kudryavtseva: V 2 t. T. I. M.: RGGU, 2013. – S. 301 – 307.
8. Vygotskiy L.S. Myshlenie i rech'. // Vygotskiy L.S. Sobr. soch. V 6-ti t. T.2. – M.: Pedagogika, 1982. – 504 s.
9. Vygotskiy L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka. – M.: Izd-vo Smysl, Izd-vo Eksmo, 2005. – 1136 s.
10. Erofeeva M.G. Lichnostnye osobennosti narkozavisimyykh s raznym stazhem upotrebleniya geroina s uchetom gendernyykh razlichiy. Avtorefer. kand. psikhol. nauk. – SPb. 2006 – 22 s.
11. Zhulanova I.V., Medvedev A.V. Prototipy sub"ektnogo deystviya // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2010, №1. – S. 18 – 26.
12. Zinchenko V.P. Tsennosti v strukture soznaniya. [Elektronnyy resurs]. Kod dostupa: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=363.
13. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – M.: Politizdat, 1977. Izd. 2-e. – 340 s.
14. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti. – M: Smysl, 2003. – 503 s.
15. Lichko A.E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov. – SPb.: Rech', 2010. – 256 s.
16. Losev A.F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. – M.: Politizdat, 1991 (Mysliteli XX veka).
17. Lu E. Naivno. Super. – M: Azbuka-klassika, 2004. – 203 s.
18. Martirosyan K.V. Tipologicheskie varianty khronotopa cheloveka // V mire nauchnykh otkrytiy. 2013. №11.4 (47). – S. 266 – 276.
19. Martirosyan K.V. Osobennosti khronotopa cheloveka // Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya pedagogiki i psikhologii: sbornik materialov 6-y

- mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Makhachkala, 2015. – S. 130 – 131.
20. Martirosyan K.V. Strukturnye i etnokul'turnye osobennosti sub"ektivnogo psikhologicheskogo khronotopa (na materiale russkikh i armyanskikh respondentov): Dissertatsiya... kand. psikhol. nauk. – Volgograd: 2015. – 225 s.
 21. Medvedev A.M. Rannyaya yunost': samosoznanie i zhiznennaya perspektiva: monografiya. – Volgograd: Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2008. – 204 s.
 22. Medvedev A.M., Zhulanova I.V., Marokova M.V. Genetiko-modeliruyushchiy metod v issledovanii psikhicheskogo razvitiya: monografiya. – Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2010. – 186 s.
 23. Medvedev A.M., Martirosyan K.V. Tekhnika kul'turnoy provokatsii v issledovanii sub"ektivnogo khronotopa v polietnicheskikh studencheskikh gruppakh // Internet-zhurnal «Naukovedenie», Tom 7. №2 (yanvar' – fevral' 2015) [Elektronnyy resurs] – M.: Naukovedenie, 2015. – Rezhim dostupa: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215> (dostup svobodnyy). – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus., angl. DOI: 10.15862/07PVN215.
 24. Nezhnov P.G., El'konin B.D. Ritm razvitiya v periodizatsii D.B. El'konina // Pedagogika razvitiya: sotsial'naya situatsiya razvitiya i obrazovatel'nye sredy. Krasnoyarsk, 2006. – S. 24 – 28.
 25. Piazhe Zh. Moral'noe suzhdenie u rebenka / Per. s fr. V. Bol'shakova. – M.: Akademicheskiy Proekt, 2006. – 480 s. – (Seriya «Psikhologicheskie tekhnologii»).
 26. Slobodchikov, V.I. Khristianskaya psikhologiya v sisteme psikhologicheskogo znaniya. // Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal, 2007, №3. – S. 23 – 31.
 27. Solomatina E.A. Psikhologicheskaya deformatsiya lichnosti zhenshchin-narkomanok // Yuridicheskaya psikhologiya. 2008, №2. – S. 20 – 25.
 28. Tolstykh N.N. Khronotop: kul'tura i ontogenez. – Smolensk-Moskva: Universum, 2010. – 292 s.
 29. Tolstykh N.N. Razvitie vremennoy perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskiy podkhod: Avtoref. dis. d-ra psikhol. nauk. – M., 2010. – 54 s.
 30. Ukhtomskiy A.A. Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887 – 1939. – SPb.: Piter, 2002.– 448 s.
 31. Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. – 571 s. – (Philosophy).
 32. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. – M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1996.